

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ СВЕТЛАНОВА

Марининский театр 2002-11-2-С. 14
 жу за дирижерским пультом. И это отнюдь не насилие над собой. Я сознательно шел на это, ибо передо мной была ясная и точная задача: дирижировать, чтобы пропагандировать забытые произведения, особенно русской музыки, а также играть сочинения

Часто ли студенту консерватории предоставляют право на постановку дипломного спектакля — подчеркиваю, не дирижирование очередным представлением, а подготовку премьеры? А если это не Оперная студия консерватории, а первая сцена страны, к тому же правительственная, прямо скажем, придворная сцена, какой был Большой театр СССР в 1955 году? А если это одна из самых сложных партитур отечественной классики, имеющая к тому же несколько авторских редакций? Эстафету любви к «Псковитянке», оперному первенцу Римского-Корсакова, Евгений Светланов воспринял из рук, точнее из уст блистательных «двойников» Ивана Грозного — Александра Пирогова и Марка Рейзена. Тень Грозного его усыновила...

Уже тогда Борис Хайкин, известный дирижер и педагог, на страницах многотиражки Большого театра «Советский артист» писал о той большой радости, которую он испытал, «побывав... на спектакле «Псковитянка», шедшем под управлением дирижера-стажера Евгения Светланова... Чувствуется, что Светланов хорошо изучил оперу, полюбил ее глубоко, до самого «дна» освоил материал. Раньше чем встать за пульт, он создал свой исполнительский план и, дирижируя оперой, смело шел по пути его осуществления...»

Десять лет — от стажера до главного дирижера — в Большом театре. Более трех десятилетий за дирижерским пультом Государственного симфонического... Триумфальные зарубежные гастролы, грандиозный труд, дело всей жизни — «Антология русской музыки» в грамзаписи, премьеры множества произведений отечественных и зарубежных композиторов, уникальный свод записей всех симфонических произведений Николая Мясковского... Среди постановок Большого театра, осуществленных под руководством Светланова, — «Царская невеста», «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии», «Золотой петушок» Римского-Корсакова, «Чародейка» Чайковского, «Не только любовь» Родиона Щедрина, «Отелло» Верди, балеты на музыку Рахманинова, Бартока... Им исполнены и навсегда сохранены в записи едва ли не все самые выдающиеся произведения русской симфонической музыки — от Глинки и Даргомыжского до Прокофьева и Шостаковича.

Свой семидесятилетний юбилей он отметил в Петербургской филармонии превосходно исполненными программами русской, американской и еврейской музыки. В Москве он продирижировал и записал цикл симфоний Малера, «под рукой» Светланова впервые в СССР прозвучали мистерия «Жанна д'Арк на костре» Артюра Онеггера и симфония «Турангалила» Оливье Мессиана, «Свидетель из Варшавы» Арнольда Шенберга и пьесы Антона Веберна, сочинения Игоря Стравинского, Белы Бартока, Эйтора Вила Лобоса... Многогочие — не знак препинания, а знак бездонного, всеобъемлющего репертуара!

Родион Щедрин заметил однажды, что Светланов является одним из «самых разносторонних музыкантов наших дней... Он словно создан для музыки. Это музыка по всем чертам своего характера. Это человек, жизнь которого и есть музыка. Природа наделила его чрезвычайно полно и щедро, и эта одаренность проявляется во всем. Он не только выдающийся дирижер, но и талантливый композитор, замечательный, тонкий пианист, страстный музыкальный публицист. Думаю, что такое сочетание различных «ингредиентов» и определило в значительной степени своеобразие художественного облика Светланова».

«Жизнь» принесенная Светлановым-композитором на алтарь дирижерского искусства, была впол-

моих коллег, товарищей, собратьев «по перу»... Кроме этого, очень хотелось искать, «раскапывать» что-то новое, современное, незнакомое... И еще — новыми глазами прочитывать основные шедевры русской классики, очистить их, по возможности, от различных многолетних исполнительских «отсебятин», наслоений, штампов». Это манифест художника-просветителя, создателя многих фундаментальных абонементах циклов Госоркестра. Это заповедь высокообразованного художника-реставратора, восстанавливающего памятники отечественной музыкальной культуры.

Светланова-пианиста можно было услышать и в концертном зале, и по радио, и на телевидении. Он обожал играть камерные ансамбли -вокальные, инструментальные — хотя в силу занятости дирижерской деятельностью редко мог позволить себе это изысканнейшее для музыканта удовольствие. Я помню транслировавшееся по радио в дни празднования столетия со дня рождения Рахманинова первое исполнение в СССР его «Шести хоров для женских голосов» в сопровождении рояля. Светлановского рояля. Одно из самых ярких впечатлений, можно даже сказать подлинное открытие большого русского композиторского имени — обширная программа из камерных инструментальных сочинений Николая Карловича Метнера, сыгранная Светлановым и музыкантами-солистами из его оркестра в Малом зале Филармонии, сейчас уже и не припомню точно, где-то в начале 60-х минувшего (вот и жизнь прошла!) века.

Метнер был одним из любимейших авторов-современников Рахманинова, Мясковского. А к Николаю Яковлевичу Мясковскому, которого называли музыкальной совестью Москвы, Светланов относился с особым душевным трепетом. Он не только часто исполнял его музыку, но и записал практически все его симфоническое наследие. Печально, что комплект дисков с музыкой любимого композитора Светланову так и не привелось поддержать в руках. Но дело сделано!

Последняя гастроль Светланова в Петербургской филармонии с вагнеровской программой — оркестровыми фантазиями на темы «Кольца нибелунга» и «Парсифаля» — оказалась прощальной. А с оперной сценой, с оперным своим первенцем Светланов попрощался в Марининском театре ровно восемь лет тому назад...

Тогда на репетициях «Псковитянки» дирижер, в последние годы выступавший почти исключительно на симфонической эстраде, с каким-то самопожертвованием умерял звучность оркестра, рельефно выделяя певческие голоса, просвечивая каждую «нить» в ансамблях, стремясь к внятному и четкому произнесению текста солистами и хором. И при этом оркестр звучал не «под сурдинку», не впадал в унылую монотонию бесрасчотного однообразного mezzo forte. Даже играя негромко, оркестр никоим образом не терял в полнозвучности: дирижер не отказывался от полноты воспроизведения детализированных нюансов. Характерное для Светланова богатство оттенков, разнообразие акцентов, умело и рассчитанно выстроенных звуковых перспектив, грандиозных нарастаний и волшебных замираний звучности — все это проявилось в исполнении увертюры и симфонической картины грозы и царской охоты в начале третьего действия...

...В дни прощания с Евгением Федоровичем с особой болью и вместе смиротворением слышу вновь прозвучавший тогда под его рукой финальный хор из «Псковитянки», хор-оплакивание, музыку, которая осеняет нас своей вечной красотой, примиряя и утешая.

(11-2) 2002
 (анн.-опер)

Светланов Евгений